

В. С. Соловьев

Творения Платона

Тома 1-2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
С60

С60 **Соловьев В.С.**
Творения Платона: Тома 1-2 / В. С. Соловьев – М.: Книга по Требованию, 2020. – 790 с.

ISBN 978-5-518-00221-0

ISBN 978-5-518-00221-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2020
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2020

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ началѣ этого труда я ставлю имя Аѳанасія Аѳанасіевича Фета, какъ его перваго внушителя. Еще семнадцать лѣтъ тому назадъ, самъ погруженный въ переводъ латинскихъ стихотворцевъ, онъ сталъ увѣрять меня, что мой патріотическій долгъ — „дать русской литературѣ Платона“. Я съ нимъ не соглашался. Его доводы были для меня болѣе лестны, чѣмъ убѣдительно. Къ тому же всѣ мои помышленія и замыслы были въ то время обращены совсѣмъ въ другую сторону...

Лишь послѣ смерти Фета пришла пора, когда его внушеніе должно было подѣйствовать. Съ нарастаніемъ жизненнаго опыта, безо всякой перемѣны въ существѣ своихъ убѣжденій, я все болѣе и болѣе сомнѣвался въ полезности и въ исполнимости тѣхъ внѣшнихъ замысловъ, которымъ были отданы мои такъ называемые „лучшіе годы“. Разочароваться въ этомъ значило вернуться къ философскимъ занятіямъ, которыя за то время отодвинулись было на дальній планъ. Нравственная философія, съ которой я началъ эти возобновленные занятія неизбежно приводила меня къ основнымъ теоретическимъ вопросамъ знанія и бытія. И вотъ въ 1897 году, черезъ пятнадцать лѣтъ послѣ приведеннаго разговора о Платонѣ, я сталъ ощущать неодолимое влеченіе окунуться снова и глубже прежняго въ этотъ вѣчно-свѣжій потокъ юной, впервые себя опознавшей философской мысли. Вѣдь кромѣ своего личнаго творчества Платонъ есть для насъ первый живой сводъ того, что добыто болѣе ранними греческими мыслителями, отъ которыхъ сохранились одни безсвязные отрывки. Поэтому кто хочетъ въ своемъ философскомъ трудѣ опереться твердо на цѣлый рядъ прямой исторической преемственности, тотъ прежде всего долженъ овладѣть Платономъ. А какой можетъ быть лучшей способъ, чтобы вполне и прочно овладѣть философскими произведеніями, особенно древними, какъ

не тотъ, чтобы перевести ихъ съ первоначальнаго языка на свой родной? И вотъ я какъ будто опять увидѣлъ передъ собою свѣтлую, рѣдкимъ пухомъ обрамленную голову съ грустнымъ и острымъ какъ у большой птицы взглядомъ и какъ будто услышалъ знакомый голосъ зовущій къ „предназначенному“ мнѣ труду.

Возникшее во мнѣ внутреннее побужденіе переводить Платона поддерживалось и перемѣною во виѣшнихъ условіяхъ для такого предпріятія. Теперь уже нельзя было говорить, что въ немъ нѣтъ надобности. За эти пятнадцать, или двадцать лѣтъ философское образованіе стало пускать корни въ русскомъ обществѣ, родился, виѣ профессиональной ученой среды, хотя не очень обширный, но все таки замѣтный кругъ людей съ дѣйствительною и постоянною любознательностью къ философскимъ трудамъ. Для нихъ *вѣрный* переводъ всего Платона былъ, конечно, нуженъ. Но могъ ли я взять на себя такую задачу?

Всего болѣе устрашала меня необходимость рѣшать такъ называемый „платоническій вопросъ“ (die platonische Frage), по которому въ послѣднее время въ Европѣ (особенно въ Германіи, расплодилось огромная литература, знакомая мнѣ до сихъ поръ лишь въ самомъ существенномъ. Я не могъ теперь упростить свою задачу такъ, какъ это еще было возможно для русскаго переводчика Платона сорокъ, или пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, когда онъ могъ, не мудрствуя лукаво, принять и воспроизвести по русски „послѣднее слово“ европейской науки, хотя бы въ видѣ тѣхъ критическихъ Prolegomena, которыми Штальбаумъ снабдилъ свое классическое изданіе Платона. Въ настоящее время выборъ между „послѣдними словами“ былъ бы слишкомъ затруднителенъ: такъ они размножились. Притомъ же самая способность чистосердечнаго къ нимъ довѣрія явно атрофируется въ современныхъ умахъ. И чѣмъ разрушительнѣе поступаетъ критика въ извѣстной области, тѣмъ болѣе обязательнымъ представляется критическое отношеніе къ этой критикѣ. Во всякомъ случаѣ приходится самостоятельно и разносторонне изучать литературу по платоновскому вопросу, обнимающему два предмета спеціальныхъ изслѣдованій: о подлинности діалоговъ и объ ихъ хронологіи — и въ связи съ этимъ третій болѣе общій предметъ изслѣдованія — о характерѣ и ходѣ развитія платоновой мысли. И когда я думалъ объ этихъ сотняхъ томовъ и тысячахъ брошюръ и статей, у меня опускались руки, и я съ испугомъ спрашивалъ себя: *когда же я успѣю* все это одолѣть, чтобы съ спокойною совѣстью „дать

русской литературѣ Платона“, какъ выражался Фетъ. И вотъ какъ будто подъ внушеніемъ какого-то ободряющаго и торопящаго голоса возникъ у меня общій планъ работы, согласно которому окончательное (то есть такое, на какомъ мнѣ можно будетъ съ спокойною совѣстью остановиться) рѣшеніе платоновскаго вопроса, должно было не предварять, а заключать весь трудъ, при чемъ необходимое для этого подробное изученіе критической литературы можетъ идти параллельно главной работѣ перевода примѣнительно къ тѣмъ именно произведеніямъ Платона, которыя въ данное время будутъ переводиться.

При такомъ порядкѣ мнѣ не было необходимости откладывать перевода на неопредѣленное время, тѣмъ болѣе, что въ полномъ переводѣ должно во всякомъ случаѣ находиться все что приписано Платону, къ какому бы мнѣнію ни пришелъ переводчикъ о подлинности и значеніи того или другого произведенія.—Межь тѣмъ, какъ я былъ занятъ подготовительною работою и готовился приступить къ переводу, почтенный К. Т. Солдатенковъ вознамѣрился восполнить свою многолѣтнюю и заслуженную издательскую дѣятельность какимъ нибудь обширнымъ изданіемъ изъ области классической. Когда я сказалъ ему о своемъ Платонѣ, онъ сразу за него ухватился, и дѣло было рѣшено при первомъ же разговорѣ.—Вслѣдъ за тѣмъ мнѣ представилась желанная возможность значительно ускорить исполненіе всего предпріятія благодаря единственному и незамѣнимому для меня сотруднику, который согласился взять на себя переводъ нѣкоторыхъ изъ многочисленныхъ произведеній, принадлежащихъ, или приписанныхъ Платону (см. ниже).

Тѣмъ временемъ размышленія, явившіяся какъ умственная реакція на чтеніе новыхъ писателей по платоновскому вопросу, но питавшіяся перечитываніемъ самого Платона, скоро привели меня къ собственному взгляду на общій характеръ и ходъ развитія платоновой мысли. Этотъ взглядъ требуетъ подробной критической провѣрки, которою я и занимаюсь въ связи съ переводомъ Платона. А пока читатель найдетъ самое краткое его изложеніе въ томъ „Предварительномъ Очеркѣ“, съ котораго начинается этотъ томъ.

Занимаясь діалогами, составляющими первый отдѣлъ платоновыхъ твореній, я замѣтилъ въ текстѣ одного изъ нихъ явные слѣды разновременныхъ наслоеній мысли и той дополнительной работы, которую авторъ дважды производилъ надъ

этимъ діалогомъ. Насколько я знаю, найденныя мною особенности ускользнули отъ вниманія критиковъ. Въ другомъ произведеніи, которое вообще считается подлиннымъ, я нашелъ одну существенную черту, дѣлающую принадлежность этого діалога Платону въ высшей степени невѣроятною. Не приписывая этимъ маленькимъ открытіямъ больше важности, чѣмъ сколько они имѣютъ, я долженъ сказать, что они усилили дѣйствіе того ободряющаго голоса, который внушалъ мнѣ не пугаться трудностей предпринятаго дѣла.

За діалогами, которые составляютъ у меня первый отдѣлъ платоновыхъ твореній (совпадающій съ этимъ первымъ томомъ), я оставилъ общепринятое названіе „сократическихъ“, понимая здѣсь этотъ терминъ лишь въ самомъ тѣсномъ смыслѣ. Сюда вошло семь произведеній, которые могутъ имѣть лишь пропедевтическое значеніе, вводя читателя въ кругъ тѣхъ мыслей и задачъ, изъ которыхъ впоследствии вышла платонова философія. Собственной философской важности эти діалоги не имѣютъ, интересъ ихъ содержанія главнымъ образомъ историческій. Взаимная ихъ связь указана и общая оцѣнка дана имъ въ особой статьѣ въ концѣ этого тома. Я надѣюсь, что между читателями этого труда найдется лишь немного столь несправедливыхъ, или столь мало освѣдомленныхъ, чтобы по этимъ пропедевтическимъ діалогамъ судить обо всемъ Платонѣ.

Второй отдѣлъ (который совпадаетъ со вторымъ томомъ настоящаго изданія) заключаетъ въ себѣ нѣсколько діалоговъ относимыхъ обыкновенно къ сократическимъ въ широкомъ смыслѣ, но существенно отличающихся отъ первыхъ семи: здѣсь интересъ сосредоточивается на *борьбѣ*,—сначала чисто-умственной, а затѣмъ и практической,—между представителемъ высшаго нравственнаго сознанія и его врагами двоякаго рода: во первыхъ вождями мнимаго просвѣщенія—софистами и во вторыхъ—слѣпыми охранителями родной старины. Жизнерадостное нравственно-оптимистическое настроеніе Сократа отступаетъ здѣсь все болѣе и болѣе передъ глубокимъ трагизмомъ историческаго положенія. Начинается этотъ отдѣлъ, озаглавленный мною «Сократовская борьба» съ діалога *Протагоръ* или *Софисты*, гдѣ за легкимъ, остроумнымъ и благодушнымъ діалектическимъ состязаніемъ едва лишь можно предчувствовать будущую борьбу съ ея напряженностью и трагизмомъ; затѣмъ слѣдуетъ *Евтидемъ*, гдѣ прямо-враждебное отношеніе къ софистикѣ выражается въ сплошномъ издѣвательствѣ надъ двумя

ея представителями. Такою же враждою къ софистикѣ внушены оба діалога, носящихъ имя Иппія. Наконецъ три произведенія *Евтифронъ*, *Апология* и *Критонъ* связаны съ тремя моментами послѣдней, практической борьбы между Сократомъ и его врагами (обвиненіе, судъ, осужденіе).

Нѣкоторый собственно-философскій интересъ представляетъ во второмъ отдѣлѣ діалогъ *Протагоръ*. Болѣе значителенъ въ этомъ отношеніи третій отдѣлъ, который я обозначаю какъ *Начало Платонизма*. Сюда кромѣ *Горгія* и двухъ маленькихъ діалоговъ, имѣющихъ историческое значеніе, войдутъ *Менонъ* и *Фэдонъ*, гдѣ уже ясно выступаютъ главныя мысли перваго самостоятельнаго міросозерцанія, выработаннаго нашимъ философомъ послѣ смерти Сократа.

Четвертый отдѣлъ подь заглавіемъ *Отрѣшенныя задачи* заключаетъ въ себѣ весьма важныя въ философскомъ отношеніи, хотя и оспариваемыя со стороны ихъ принадлежности Платону діалоги: *Кратилъ*, *Тезетъ*, *Софистъ*, *Политикъ* и *Паменидъ* *).

Въ пятый отдѣлъ—подь заглавіемъ „Эросъ“—входятъ только два діалога *Фэдръ* и *Пиршество*, обозначающіе на мой взглядъ (см. ниже въ „Предварительномъ очеркѣ“) внутренній переломъ въ духовной жизни Платона и переходъ между его первою и второю философией. Во всякомъ случаѣ эти два діалога представляютъ полный расцвѣтъ Платонова творчества.

За цвѣтами естественно слѣдуютъ плоды,—то, что я признаю второю философией Платона. Въ этотъ шестой отдѣлъ подь общимъ заглавіемъ „Положительный идеализмъ“ входятъ *Филэбъ*, *Государство* и *Тимей* (съ *Критіемъ*). Здѣсь философъ пытается построить на идеальныхъ началахъ весь человѣчскій и физическій міръ.

Очень замѣчательный, хотя и печальный памятникъ духовнаго упадка, представляемый обширнымъ сочиненіемъ *Законы*, образуетъ послѣдній, седьмой отдѣлъ Платоновыхъ твореній подь заглавіемъ «Крушеніе идеализма.»—Въ эти семь отдѣловъ не входятъ довольно многочисленныя мелкія произведенія (діалоги, дидактическіе отрывки, письма, стихотворенія), изъ которыхъ одни несомнѣнно подложны и отвергнуты уже въ древности, а другія справедливо отвергаются современною критикою. Переводъ всего этого, по обычаю обязательный въ

*) Нѣкоторыя благовидныя основанія для сомнѣній существуютъ лишь, относительно трехъ послѣднихъ.

полномъ Платонѣ, будетъ приложенъ къ одному изъ слѣдующихъ томовъ, смотря по виѣшнимъ удобствамъ печатанія.

Подробнымъ разборомъ и рѣшеніемъ „Платоновскаго вопроса“ съ различныхъ его сторонъ я предполагаю закончить все изданіе.

Переводчикъ, желающій вѣрно *передать*, а не *продать* своего автора (особенно когда дѣло идетъ объ авторѣ классическомъ), долженъ одинаково остерегаться и Сциллы неумѣстнаго сочинительства, и Харибды мертваго буквализма. И то и другое одинаково несовмѣстно съ *вѣрностью* перевода. Что касается до сочинительства, или такъ называемаго вольнаго перевода, то никто вѣдь не мѣшаетъ всякому человѣку, имѣющему способность и охоту къ литературному творчеству, проявлять его, какъ и въ чемъ угодно. Это неотъемлемое право ограничивается однако правомъ читателя не подвергаться предумышленному обману. Если переводчикъ владѣетъ перомъ—это его счастье, но гдѣ же его полномочіе продавать свое стальное, или гусиное перо за писчую тростинку Платона?

Вѣдь читатели Платона въ русскомъ переводѣ хотятъ знакомиться съ творчествомъ именно только Платона, а не г. *хуз.* Кажется, что Сциллы сочинительства и „литературности“ я вполне избѣжалъ въ своихъ переводахъ, да это было и легко—требовалось только простое сознаніе своей обязанности и доброе намѣреніе ее исполнить. Труднѣе было избѣгнуть Харибды буквализма, которая такъ неявно выдѣляется изъ настоящаго фарватера. Буквальность есть во всякомъ случаѣ основа вѣрнаго перевода, и отступать отъ нея позволительно только на достаточныхъ основаніяхъ. Но какъ опредѣлить эти основанія?

Когда я съ Фетомъ занимался переводомъ Энеиды *), у насъ возникали изъ за этого ожесточенные споры. Аѳанасій Аѳанасьевичъ, какъ и слѣдуетъ, подъ вѣрностью понималъ прежде всего буквальную точность перевода (разумеется, насколько она совмѣстима съ русскою грамматикой), я же въ принципѣ съ этимъ соглашаясь, не могъ однако во многихъ случаяхъ примириться съ такимъ его переводомъ и требовалъ отступленій отъ безусловной точности. Такъ какъ за этими требованіями Фетъ не видѣлъ опредѣленной нормы хорошаго

*) Нѣкоторыя части этой поэмы я переводилъ одинъ, а другія вмѣстѣ съ нимъ (см. его предисловіе къ Энеидѣ). Это было въ 1887 г., когда я прожилъ съ нимъ около полугода въ его курскомъ имѣніи.

перевода, то онъ и недоумѣвалъ, чего же я въ сущности желаю, и если иногда уступалъ, то не моимъ убѣжденіямъ, а тайному голосу собственнаго вкуса. Съ тѣхъ поръ я, много размышляя объ искусствѣ перевода, выяснилъ себѣ смыслъ своихъ требованій и могу опредѣленно сказать, что собственно нужно для вѣрнаго перевода и гдѣ искать достаточныхъ основаній для ограниченія его буквальности. Стремленіе къ буквальности, или страхъ отступить отъ текста, есть, какъ и „страхъ Божій“, непремѣнное „начало премудрости“ для благочестиваго переводчика, — *конецъ* же ея этимъ не исчерпывается. Тутъ возникаетъ новое, болѣе сложное и тонкое требованіе: овладѣвши мыслию подлинника во всей полнотѣ и точности ея выраженія, нужно во всякомъ случаѣ, представляющемъ какое нибудь затрудненіе для буквальной передачи, ставить себѣ вопросъ: *какъ* данный авторъ — скажемъ Платонъ — съ особенностями своего духа, характера, стиля, образа мыслей, насколько все это намъ исторически извѣстно, — если бы онъ зналъ по русски и ему пришлось бы писать на этомъ языкѣ, какъ выразилъ бы онъ на немъ эту свою мысль съ этими ея оттѣнками? Серьезная постановка этого вопроса и добросовѣстныя усилія его практически рѣшить, — т. е. усилія переводчика себя оплатонить, а Платона обрусить — или другими словами, входя въ духъ греческаго автора, заставлятъ вмѣстѣ съ тѣмъ и его входить въ духъ русскаго языка — вотъ чѣмъ опредѣляется настоящій путь хорошаго, т. е. дѣйствительно точнаго и вѣрнаго перевода. Въ немъ должны нераздѣльно присутствовать явные признаки его двойнаго происхожденія, изъ двухъ живыхъ источниковъ — греческой и русской рѣчи.

Изъ семи діалоговъ, вошедшихъ въ этотъ первый томъ, три (обозначенные въ оглавленіи звѣздочкой) переведены М. С. Соловьевымъ. Все остальное, т. е. переводъ четырехъ діалоговъ, всѣ семь разсужденій, сопровождающихъ діалоги, предварительный очеркъ о Платонѣ и заключительный очеркъ о сократическихъ діалогахъ, принадлежатъ мнѣ одному.

Что касается до греческаго текста, то мы пользовались и будемъ пользоваться главнымъ образомъ изданіемъ Мартина Шанца, которое общепризнано за наилучшее. Такъ какъ оно не вполне окончено, то для нѣкоторыхъ діалоговъ приходится ограничиться прежними рецензіями текста, т. е. двумя главными: К. Ф. Германа и Штальбаума. Для *Софиста* и *Политика* будетъ еще имѣться въ виду изданіе Campbell'я, а для *Государства* — Jowett'а.

Въ предвидѣніи будущихъ трудностей въ отдѣльныхъ мѣстахъ текста я заручился великодушнымъ обѣщаніемъ помощи со стороны нѣкоторыхъ высокоуважаемыхъ представителей филологической науки у насъ. Уже теперь мы должны принести глубочайшую благодарность Ѳ. Е. Коршу, который съ любезною готовностью прослушалъ переводы двухъ діалоговъ, помѣщенные въ настоящемъ томѣ. Сердечно признателенъ также Э. Л. Радлову за постоянную дружескую поддержку и въ этомъ предиріятіи.

Въ заключеніе считаю не лишнимъ еще разъ напомнить читателю, что настоящее понятіе о Платонѣ даютъ никакъ не произведенія этого перваго, а лишь отчасти третьяго (*Фэдонъ*), главнымъ же образомъ пятаго (*Фэдръ*, *Пиррество*) и шестого отдѣла (*Государство*, *Тимей*). Но какъ издатели Пушкина неизбежно начинаютъ съ лицейскихъ стихотвореній и такихъ незрѣлыхъ поэмъ, какъ „Русланъ и Людмила“, или „Кавказскій плѣнникъ“, — такъ и намъ пришлось начать съ *Θεαία* и *Αλκιвіαδα*, которыхъ, впрочемъ, и древніе полагали въ основу изученія Платона.

Владиміръ Соловьевъ.

Лозанна, 26 мая 1899.

ЖИЗНЬ И ПРОИЗВЕДЕНІЯ ПЛАТОНА.

(Предварительный очеркъ).

I.

Древнѣйшія біографіи Платона близкія къ его времени извѣстны намъ только по названію; а сохранившіяся у Діогена Лаэртія (III книга его исторіи), Апулея и Олимпіодора,—отдѣленные отъ своего предмета нѣсколькими вѣками, довольно скудны положительными данными и обильны явнымъ баснословіемъ и анекдотами мало интересными и не внушающими довѣрія. Не входя пока въ критическій разборъ всѣхъ этихъ извѣстій, я ограничусь здѣсь тѣми немногими біографическими данными, которыя могутъ считаться наиболѣе достоверными.

Платонъ родился въ очень знатномъ аѳинскомъ семействѣ. Однимъ изъ его предковъ, по матери, Периктіонъ, былъ законодатель Солонъ, а по отцу, Аристону,—последній царь аѳинскій Кодръ. Время рожденія великаго философа опредѣляется приблизительно между 430 и 427 гг. до Р. Х.—вѣроятно же 429 или 428 *). Родители Платона, имѣвшіе значительный достатокъ, дали сыну хорошее образованіе. По всѣмъ принятымъ въ то время предметамъ обученія (гимнастика, музыка, грамата и риторика) онъ имѣлъ лучшихъ наставниковъ; ихъ имена дошли до насъ, но безъ всякихъ другихъ свѣдѣній, кромѣ того, что они были извѣстными мастерами своего дѣла и давали уроки Платону. Въ первой юности будущій философъ усерднѣе всего занимался стихотворчествомъ, преимущественно эротическимъ. Въ двадцатилѣтнемъ возрастѣ (408 г.) познакомив-

*) Есть извѣстіе, въ достоверности котораго можно сомнѣваться, что Платонъ было только прозваніе, а собственное имя философа было Аристокль.

шись съ Сократомъ, онъ бросилъ свои прежнія упражненія и отдался философскому исканію правды подъ вліяніемъ и руководствомъ „мудрѣйшаго изъ эллиновъ“.

Общественная мысль Аѳинъ и всей Греціи въ эпоху юности Платона представлялась принципіально тремя главными партіями: охранителей, требовавшихъ слѣпой, безотчетной вѣрности отеческимъ преданіямъ и законамъ; софистовъ, настаивавшихъ на относительности и условности всякихъ положеній въ жизни и знаніи и возводившихъ такимъ образомъ въ принципъ умственную и нравственную анархію; и наконецъ третья партія, сосредоточенная въ одномъ человекѣ, Сократѣ, стремилась къ сознательно-вѣрующему, зрячему воспріятію безусловнаго добра и правды. Первая партія лицемерно отстаивала неприкосновенность народно-государственныхъ вѣрованій, уже подкопанныхъ двумя вѣками философскаго движенія и утратившихъ свое дѣйствительное значеніе для самихъ этихъ охранителей (насмѣшки надъ богами въ комедіяхъ крайняго консерватора Аристофана); вторая, признавая все относительнымъ, ставила цѣлью жизни для умныхъ людей личную выгоду и удачу, а какъ главное средство этимъ людямъ достигать своихъ цѣлей съ чужою помощью предлагала риторическое искусство убѣждать другихъ безъ собственнаго убѣжденія. Между этими представителями мнимой вѣры съ одной стороны и мнимой свободы мышленія—съ другой Сократъ былъ единственнымъ сознательнымъ носителемъ глубокаго и искренняго религіозно-нравственнаго настроенія и чистаго философскаго интереса. Вся сила Сократовой мысли состояла въ простомъ и неоспоримомъ утвержденіи, что жизненная задача должна рѣшаться *по существу*, согласно съ тѣмъ, что *само по себѣ* хорошо или безусловно желательно для всѣхъ, а не по какимъ нибудь виѣшнимъ соображеніямъ частнымъ, или общественнымъ. Для лучшихъ умовъ молодого поколѣнія не могло быть вопроса, за кѣмъ идти. Платонъ съ разу проникся духомъ сократовыхъ рѣчей и отдался сократическому исканію подлинной мудрости и существеннаго добра. Когда Сократъ былъ обвиненъ какъ врагъ религіи и нравственности, Платонъ былъ въ числѣ учениковъ, предложившихъ внести за него значительную сумму выкупа. Послѣ смертнаго приговора, онъ заболѣлъ и поэтому не присутствовалъ при прощальной бесѣдѣ въ темницѣ.

Послѣ смерти Сократа (399 г.) Платонъ по всей вѣроятности предпринялъ свои первыя путешествія *).

*) Пребываніе Платона въ Мегарѣ повѣйшими изслѣдованіями заподозрѣно. Твердыхъ историческихъ доказательствъ этого пребыванія дѣйствительно не имѣется.